

Сезон жарков

Владимир Сметанин

Владимир Алексеевич Сметанин

Сезон жарков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72469048

SelfPub; 2025

Аннотация

Хорошо, когда человек с малых лет выбирает для себя, чем будет заниматься в жизни. Есть, однако, и те, кто всю жизнь ищет себя и так и не находит. Что гораздо грустно.

Сергей Куницын не чувствует в себе неодолимой тяги к какому-либо трудовому поприщу. Разве только кисти и холст серьезно занимают его, но дерзновенных планов он не строит. Планы умеренные. В поисках своего пути и его друзья: проекты имеются. Однако ухватить птицу счастья за хвост непросто...

Повествование наполнено юмором и легкой иронией.

Владимир Сметанин

Сезон жарков

Глава 1

Кто это так громко гремит железом в мастерских общества «Луч», хотя времени – только десятый час? Будто в застойные времена, когда колхоз начинал шуметь чуть ли не одновременно с первыми петухами. А повариха Пана приступала к работе еще раньше, потому что к обеду надо было переделать на кухне массу дел, в том числе и наколоть для печки дров. Традиции и преемственность в этих местах почитались, и скоро на смену заслуженной поварихе пришла ее племянница Виолетта. Приняв, вместе с кухней и послушание колки дров. Конечно, у доброго хозяина дрова наколоты и сложены в поленницу загодя, но, во-первых, Виолетта не была тут хозяйном, а только работала на подряде, а во-вторых, расколоть целый грузовик корявых чурок – это развлечение не одноминутное. Причем ведь вес Виолетты едва превышал полсотни кило, а иная чурка весила не меньше. Поэтому поленья изготавливались ею по мере потребности.

Кроме общехозяйственных забот были у Виолетты Канухиной и специальные: в частности, приготовление обеда и ужина. Конечно, ООО – это тебе не колхоз, и тут никакие

излишества не предусматривались, вроде какао или пепси, а также прочих шашлыков и беф-строгановых, даже и пирожки пеклись скромных размеров, не то, что раньше. Тогда каждый габаритами был подобен лаптю из школьного музея и, съевши такой, труженик уже не мог вздохнуть в полную силу. Но пирожок не бросал – уж больно вкусен. Нет, теперь пирожки имели весьма умеренные параметры. И если что от них и прочей снеди оставалось, поварихе следовало все это скрупулезно собрать и скормить двум свиньям, содержащимся при мастерских. Они шли на мясо.

Очень рачительным подходом к хозяйству отличался его глава Никита Пузырев. Поэтому ни одной копейки не тратилось без нужды.

При кухне дел у Виолетты хватало – чего стоит, к примеру, сварить борщ! Если с говядиной – не меньше трех часов надо, хотя руководитель, будучи верен себе, стремился заменить говядину более дешевой свининой или даже курицей. То и другое, кроме сравнительно невысокой цены, требовало меньше топлива для приготовления блюд, а также и меньше времени. Хотя это последнее обстоятельство занимало Никиту Ивановича меньше всего. Потому что Виолетта едва успевала обслуживать столующихся даже и в случае свино-куриного меню, и, стало быть, дополнительные обязанности вменить ей не представлялось возможным. Ведь следовало еще сооружать салат из огурцов и помидоров, готовить чай или компот, а после незамедлительно убирать и мыть

посуду, столы, и начинать подготовку к следующей кормежке. К окончанию полевого сезона Виолетта неизменно худела, несмотря на близость кухни, и вызывала тем зависть у многих подруг, а также у супруги Пузырева Клавдии, которая подругой не была, но заведовала снабжением пункта питания. Несмотря на отсутствие изысков, он требовал много чего. И если макароны, чай, сахар, сухофрукты, соль и перец безусловно требовали денег, то картошка, а также капуста и прочие овощи производились на грядках тружеников «Луча», и казалось, могли бы поступать на его кухню по-свойски, безвозмездно. Ан, нет! Скареды – хозяева грядок – просили оплату. Безмерная алчность людей угнетала чету Пузыревых, и до такой степени, что картошку иной раз они доставляли свою, оплачивая себе из кассы сушие пустяки, лишь бы не было скандала. Морковку же и капусту, а равно свеклу покупала Клава в магазине – готовую, мытую сортированную, с которой не надо было ей возиться. Дальше все попадало в проворные руки Виолетты и претерпевало различную кулинарную обработку. Конечный результат вполне нравился столующимся.

Поскольку имя ее для наших умеренных и даже холодных широт подходило не очень, в повседневном общении звали ее просто по отчеству – Петровна. Даром, что молода. Душевно и близко уроженцу села Жердева, как и любому незамысловатому жителю лесов, степей, а также и сопок. Зато и авторитет у нее рос неукоснительно. Даже среди Пузыревых.

Никита Иванович с течением времени стал доверять ей просто безгранично. Дошло до того, что даже новую деревянную швабру, приобретенную для столовой собственноручно, он вручил Виолетте, не требуя никакой расписки.

Но довольно о Канухиной – пора уже перейти непосредственно к производителям продуктов питания. Они тоже подчас встают рано, как в это утро, и принимаются за работу. Нынче первым в мастерские прибыл Сергей Куницын, и немедленно принялся выправлять сошник культиватора. Он бил кувалдой с размаху по изогнувшейся культиваторной лапе до тех пор, пока она не оторвалась от стойки, при этом сохранив свою погнутость. Раздосадованный земледелец бросил молот и осмотрел лапу: отломилась она по старой сварке, и варить снова было бесполезно – сошник следовало целиком менять. Ругаться матом Куницын не стал, хотя это было бы вполне уместно, а направился к столовой, заметив, что из кухонной трубы валит дым. Петровна, значит, уже на посту и надо засвидетельствовать ей свое почтение: давно не общались, считай, целую неделю, а по большому счету месяца два – с тех пор, как прекратилась уборочная. Прекратилась она вынужденно, и, если можно так сказать – досрочно. Бросили работу, уже когда комбайны местами молотили скошенный ворох пополам со снегом, и оставили почти сотню гектаров до весны. В надежде, что снег сойдет аккуратно и до той поры полевые мыши не сгрызут все зазимовавшее зерно. Опыт весенней уборки имелся, а как же: все-таки

Жердево, как и весь район и даже регион – зона рискованного земледелия. Весной молотить хлеба было как-то веселей: уже вот-вот начнут пробиваться подснежники, солнце встает рано и светит ярко. Словом – весна! Хотя и тут порой приходится одеваться по-зимнему. Но осенне-зимняя уборка – это совсем другое дело. Это кошмар. Как рассказывал ветеран колхозного земледелия дядя Яша Коноплев, комбайнер стоял на открытом мостике, прикрывая лицо одной рукой от снежного шторма, а другой рукой вел степной корабль по упавшей от ветра и снега ниве. На плечах его был ватник, а поверх него – полушубок. меховая ушанка и валенки дополняли экипировку. Бывали случаи, когда человек чудесным образом обзаводился унтами, и валенки получали отставку. Тогда земледелец мало чем отличался от пилота аэроплана, только что планшета с картой у него не имелось, револьвера да защитных очков.

Но чаще уборку удавалось закончить до устойчивого снежного покрова. На этот раз – нет. И теперь предстоял весенний уборочный аврал. Для чего и был объявлен общий сбор, чтобы обсудить и наметить. Вплоть до вызова Канухиной, дабы все прочувствовали важность момента.

– Привет, Петровна! – возгласил Куницын, открывая дверь котлопункта, как называли точку питания в колхозные времена, и нет-нет вспоминали донине. Несколько панибратский тон Куницына маскировал скрытую робость его обладателя. Что интересно: в общении со всеми прочими пред-

ставителями обоих полов никакой робости Сергей не испытывал, а тут на тебе! Может, все дело в том, что бабушка Виолетты, Агафья, числилась в селе не то, чтобы колдуньей, но около того. Будто бы она заговаривала зубную боль и еще много чего могла. Зубы у Сергея никогда не болели, поэтому об умениях целительницы ничего определенного сказать он не мог. Но дядька его, страдающий от давления, к ней обращался и будто бы имел от того пользу. И говорили, что внучка ее, Виолетта, унаследовала способности Агафьи Федоровны и еще себя покажет. И уже будто бы начала – недаром же все, сготовленное ею на кухне, получалось вкусным и сытным, хотя никаких поварских курсов она не кончала. А в школе училась вполне сносно, при этом не просиживая по полдня над учебниками. Да, именно так и обстояло у нее с учебой. Теперь же совсем другое дело: Виолетта уже какой год зубрит английский, обучаясь заочно на преподавателя этого атлантического языка. И ходят слухи, что по окончании учебы намеревается закрепиться в городе. Сергей же Куницын тоже особо не бился над гранитом науки, однако успехи имел более слабые. Хорошо, что учились они в разных классах, иначе могли бы возненавидеть друг друга, ибо учителя любили сравнивать успехи окормляемых и приводить передовиков в пример. Сея тем самым рознь и смуту. И он ни в одном вузе не учится, хотя, например, знает наизусть имена всех знаменитых живописцев и может определить, чьей рукой написана картина. Зачем? Смех и грех!

– Здравствуй! – отвечала заведующая столовой, и приветливо улыбнулась. – Ты, кажется, раньше всех сегодня!

– Это точно, самый первый приперся, – он помедлил и добавил:

– Сам не знаю, почему. Старею, наверное. Бессонница!

Виолетта засмеялась, но тут же, распаковав какой-то пакетик, нахмурилась:

– Надо же, какие отходы продают!

– А что там?

Она потрясла, перевернув, упаковку, и на стол посыпался лом сухого лаврового листа.

– Вот! Наша Клавдия привезла.

Сергей засмеялся:

– Продолжает поход бережливых? Мы с ребятами после армии, когда калымили, такой же покупали, но тогда денег не было, понятно. А Пузыревы-то? И как ты ухитришься из такого съедобное делать? Знаешь, когда я вижу этот мусор, мне представляются южные города, заросшие апельсинами и лаврами. И вот, когда проходит листопад, под деревья выходит работник городского хозяйства с метлой и начинает сметать эти листья в одно место. Они ломаются, пылятся, но ему наплевать – ему платят за уборку. Потом подъезжает грузовичок, выходит мужик с мешками и они затаривают весь сор в эти мешки. После, может быть, его провеивают от пыли, а может, и нет – и отправляют в продажу. В такие местности, как наша, где лавры не растут. А?

Теперь засмеялась Виолетта:

– Ты так рассказал, что у меня как-то аппетит уже пропадать начал. Хотя я утром только чаю успела глотнуть, с печенькой.

– А что же ты здесь ничего не перекусишь? Ты и так не толстая!

– Здесь только тушенка и приправы, еще макароны и крупы. Но все это надо варить. Клава должна хлеб привезти, когда магазин откроется. Из-за одного дня разводить большой базар не стоит, конечно. Пузырев выразился, что это как?.. – типа, прицельный день.

– Пристрелочный, – подсказал Сергей.

– Вот-вот. Генеральная репетиция. Сейчас начну варить. Воду я уже поставила, скоро закипит. А к тому времени лично мой аппетит пройдет: я, когда надышусь кухней, есть уже не могу.

– Ну, очень понятно. Это как со спиртом: стоит слегка надышаться паров, и уже без грамма выпитого человек пьяный. Но ты ведь так совсем похудеешь!

– Буду отъедаться ночью, после того, как отдышусь.

Светская беседа была прервана самым бесцеремонным образом: дверь распахнулась, и на порог упал человек в камуфляжной зимней куртке. Шапка его продолжила движение и покатилась по треснувшему линолеуму дальше.

«Пьяный?» – переглянулись присутствующие, но тут же упавший поднялся на четвереньки, а затем встал и при бли-

жайшем рассмотрении оказался Иваном Клоковым, шофером. И он был трезв.

– Поскользнулся, – конфузливо пояснил прибывший – Здравствуйте! Сапоги у меня, как лыжи. Выкинуть давно пора. Но теплые.

– Крыльцо как следует почистить не успела, – извиняющимся тоном произнесла повариха, – торопилась.

– Да ничего, Петровна – успокоил Клоков, – давай, я сейчас сковыряю лед.

– Я тогда пару чурок расколю, – вызвался, в свою очередь, Сергей, почувствовавший, что вполне закономерно будет, если он возьмется за колун, когда человек на пятом десятке берется за лопату. И они за несколько минут управились с делом, причем Клоков расчистил еще и дорожку к крыльцу, а дровосек наколот не меньше полукубометра дров. Мог бы наколоть и больше, да стесняла новая рубашка, слегка узковатая в плечах. В старых было бы куда уютнее, но чего не сделаешь, когда ожидается встреча с Виолеттой. Которая к тому же на полгода моложе его. А младшим надо подавать достойный пример. Как же иначе?

Завершили свой аврал помощники повара быстро. В награду Виолетта налила им по стакану огненно-горячего чаю, к которому присовокупила пиленый сахар и печенье в пачке, которое чудом не съели за два месяца мыши. Несмотря на то, что оба волонтера утром позавтракали, печенье они съели, благоразумно оставив половину хозяйке. Поскольку на

кухню она их не пустила – не положено посторонним – перекусывали в столовой, просторной соседней комнате, откуда уходить и не торопились. Сергей краем глаза поглядывал в сторону Канухиной, которая проворно орудовала на кухне, а Иван обсуждал с кем-то по телефону шоферские дела.

– Так вот Пузырев и говорит: дескать, натуроплату вам всецело выдали, хотя был недомолот, опять же и аптечки. Чего же еще? А я говорю: «натуроплата, конечно, хорошо, но лучше бы все получить деньгами. А что аптечку дали, так это вы о себе позаботились, чтобы технадзор не оштрафовал». Ха-ха, да конечно, ему не понравилось, но раз взялся за гуж...

Абонент ответил какой-то колкостью, немедленно сам засмеялся, и они принялись смеяться вдвоем, так громко, что даже Виолетта улыбнулась, хотя к разговору не прислушивалась.

Тут дверь отворилась, и в проеме возник директор Пузырев.

– А, на посту! Доброе утро! – поприветствовал он собравшихся. – Петровна, у тебя все путем? Вот и хорошо. Скоро моя Клавдия хлеб подвезет. Что, мужики, пойдем! – обратился он к сидящим за столом, – народ собирается.

И они отправились в бытовку мастерских, где было чище и теплее, чем в цеху, хотя и далеко не так просторно. Народу собралось более десятка человек – почти весь личный состав предприятия, за исключением животноводов.

– Ну что, начинается новый сезон, хотя до посевной далеко – когда еще земля оттаяет! Пока и снегу местами по колесу. Но это когда не торопиться, времени много, а как настанет момент – то его кошмарно не хватает. Так что надо рвать подметки. Первейшая задача – доубирать овес, который не успели. А значит, следует протрясти технику, главное, понятно – комбайны. Выведем три, чтобы нагрузка была небольшая, и чтобы не расхлестать их по мерзлоте. Как только на том поле снег сойдет, так и выходим. Там уже почти все ветром выдуло. Так что надо подконопатить комбайны и – на старт, не сегодня-завтра. Какие идеи, проблемы имеем?

И Пузырев остался стоять, тем самым давая понять, что разговор серьезный, и он только начался.

– Надо зерносклад латать, уже я говорил, а дело все на том же месте, – поднялся механик и завскладом Бусыгин. – Снег набивается через щели. Сейчас начинаются ветра – к посевной у нас там снегу больше, чем зерна, будет.

– Да, будем этот вопрос решать, буквально на этой неделе, – заверил руководитель и сделал запись себе в блокнот, где в графе «Склад» она была уже шестой по счету после завершения уборки. И все насчет щелей.

– Вот с материально-техническим обеспечением, – откашлившись, веско сказал, поднимаясь, Клоков, – вопрос подвигается не очень. Даже совсем не движется.

– Ну как же, Иван Степанович, – возразил Пузырев, – вот только недавно обеспечили тебя аптечкой, например; еще

планируем кое-что.

– Аптечка – это хорошо, – согласился Клоков, опустив соображение относительно технадзора, – но нужна запаска. Аптечкой ее не заменишь. Ладно еще, когда мы тут в окрестностях крутимся, а если дальний рейс? Жердь, что ли, вместо колеса привязывать? Это если бы все ведущие были...

– Запаска вещь серьезная и требует серьезной суммы, – отвечал руководитель. Вот давайте соберем остатки урожая, тогда и средства появятся!

Затем разговор зашел о вариаторе, о стеблеподъемнике, выгрузном шнеке, которые уж давно надо менять, и о некоторых других деталях, которых в зерноуборочном комбайне страсть, как много.

– На новой-то, да качественной технике и дурак сможет, – по-детски обиженно сказал раздосадованный бесконечными претензиями Пузырев, – ты попробуй на том, что есть!

И мужики, раскинув так и этак, и принимая во внимание неблагоприятную экологическую обстановку в окрестностях, ослабили натиск на директора общества. И даже кто-то высказал ему слова одобрения. В конце концов, договорились, что убирать серый хлеб тоже надо, а уж как оно получится, решат небеса.

И, покончив с официальной частью заседания, перешли к неофициальной – то есть прямиком в столовую, откуда доносились дразнящие запахи. И не рано – время близилось к обеду. Все потому, что соскучившиеся по долгим совеща-

ям труженики обсуждали дело обстоятельно и без спешки.

Виолетта постаралась, выставив на стол замечательно приготовленные блюда; конечно, и дома у каждого стремились выдать качественные кашанья, однако же столовая – совершенно другое дело. Не зря ведь человека иной раз тянет отведать яств, приготовленных вне своих стен. Например, чужого борща или картофельной запеканки с грибами – да мало ли! Столовая же, где работники настроены готовить на совесть – вообще шик, аппетит тут возникает невероятный. Дело, еще может быть, в том, что ватагой и трапезничать – сплошное удовольствие! Это как при зевоте: если самозабвенно зевает кто-то один, немедленно начинает зевать и все окружение. Так и тут. Хотя аппетит набрасывается не так стремительно, но столь же верно.

Большой артельный стол уже был в основном готов к приему бригады: в пару минут Виолетта наполнила борщом приготовленные тарелки, винегрет манил свежестью тепличных овощей, нарезанный аккуратно хлеб еще дышал теплом пекарни. На второе она приготовила плов из свинины, и он ждал в большой кастрюле своего выхода на арену. В помещении витал запах крепкого чая.

– Ну, – бодро произнес директор ООО, – поснедаем!

И он вооружился ложкой, призывая всех последовать его примеру.

– Э-э, кхе-кхе, – задумчиво сказал, оглядывая стол, Бусыгин, – как-то неправильно...

– Что неправильно? – встрепнулся Пузырев.

– Да чего-то не хватает, вроде. Но чего – и сам не пойму!

Аппетита нету.

– А и верно, – поддержал его сидящий рядом Илья Рябов, – чего-то от простуды!

И все засмеялись.

– Каким ты был, таким остался, – ворчливо отозвался руководитель, – ведь не на отжинки собрались! Ну да ладно. Все-таки начинаем новый сельхозгод!

С этими словами он взял из-под вешалки портфель и извлек литровую бутылку водки. Стаканы, предназначенные для чая, под одобрительные взгляды собравшихся были наполнены наполовину этим популярным напитком.

– Хоть вроде и праздник у нас, но напиваться не будем! – строго молвил Пузырев. – Ну, с новым сезоном!

И все дружно звякнули стеклом, выпили обжигающее содержимое стаканов и принялись закусывать обжигающим же борщом.

– А ты что же, Петровна? – спросил Никита Иванович, заметив, что Виолетта лишь пригубила на ходу свое стекло-изделие.

– Ну, у меня-то как раз самая работа, я уступаю свою порцию самому простуженному.

– Э, нет, Петровна, так не годится! – воскликнул Гоша Шевелев, сварщик и звеньевой. – Удачи не будет! И почему ты, Петровна, чуждо выражаешься: «порция»? Как-то по-

лондонски, по-буржуински. Пусть они меряют порциями, а мы по-свойски обойдемся. Ты уж подними бокал за общество!

Но не такова была Виолетта, внучка Игната Канухина. Упорства ей не занимать:

– Ну ладно, только я постепенно, чтобы ориентировку не терять, – сказала она и сделала глоток, оставив затем стакан. И поспешила на кухню, захватив опустевшую тарелку из-под хлеба: аппетит у артели случился завидный.

Собравшиеся в столовой не торопились расходиться. Хотя разговора о том, что неплохо бы еще немного побаловаться сорокаградусной, никто не заводил. Соскучился народ по настоящей работе, надо засучивать рукава.

– Погода нынче что-то настроилась против нас, – сказал звеньевой. – То снег завалил овес, то вот не успели собраться по весенним работам, мороз вдарил!

– Так это нынче. А овес-то завалило в прошлом году, – уточнил Бусыгин.

– Да какая разница! Погода совсем неправильная стала. Где-то уже цветы, а мы печку топим, чуть не целый день.

– Это точно. Сегодня приморозило. Если так пойдет, дров до лета не хватит, придется в лес за хворостом бежать.

– Потеха! – встрял Клоков, – слышал, идея обсуждается – отапливать дома валежником. Это чтобы средний дом зиму отапливать, вагон хвороста надо. Где же его насобирать?

Клоков вообще по жизни идет, отплеываясь направо и

налево. Потому что все не так. Хорошо, что жена у него оптимистка и хохотушка, иначе оба давно бы свихнулись. А так – ничего: у них даже двое детей. Иногда и на Ивана нападает счастливый стих, но очень редко. Чаще – недовольство, как и в этот раз.

– Да, пожалуй, вагон бурелома. Или два грузовика настоящих дров – куда лучше, – пробасил Рябов.

Виолетта вскипятила уже второй пятилитровый чайник, и под неторопливые речи он постепенно пустел: тут пришлось кстати и оставшиеся печенки, хотя это было уже баловство. Виолетта тем временем принялась убирать освободившуюся посуду, горячая вода поспела, и можно было начинать мытье.

– Петровна, но ты не забывай про свое обязательство! – хватился Шевелев, кивая на ее стакан, в котором оставался напиток крепче чая.

– Так еще время раннее, – смешливо отвечала Виолетта. – Еще я дела не закончила.

– Беда с этими женщинами, – горестно резюмировал Георгий и сделал большой глоток чаю.

– Так ей еще чашки-плошки мыть, – рассудительно заметил Куницын и, подумав, добавил:

– А потом надо дома жарить-парить и опять посуду мыть.

– Да зажарить-запарить и мать у нее сможет, раз Петровна на работу вышла. Целый день кухнями заниматься – мало кому понравится. Еще и вредно для фигуры.

– Ну, у Петровны фигура от кухни не плывет. Наоборот,

вес здесь теряется.

– Это ты верно, в общем-то. Утонченная женщина.

Утонченная Канухина тем временем перемыла всю посуду – остались только стаканы, из которых еще пили чай.

– Ну, чай – не водка, много не выпьешь, – заметив это, молвил Куницын. – Пожалуй, хватит уже пить, как бы водянку не заработать!

Виолетта с независимым видом прошла вдоль стола к своему стакану и выпила водку, после чего проследовала обратно, демонстративно неся его вверх дном.

– Ты хоть закуси, – посоветовал Шевелев, – вредно же без закуски.

– Петровна после первой не закусывает! – назидательно проговорил

Бусыгин.

– Интенданты все знают, – меланхолично заметил Рябов, – наблюдательные потому что. Больше-то им заняться нечем.

И сопровождаемый одобрительным смехом, он понес свой стакан на край стола, где сосредоточивалась пустая посуда.

Разошлись все быстро, так что Виолетта едва успела домыть стаканы. Впрочем, она могла бы мыть их неопределенно долго, но надо было поговорить о некоем важном деле с Куницыным. Оно касалось ее брата Василия, и могло определить его дальнейшее жизнеустройство.

Глава 2

Племянник Василий был занят уборкой снежных куч, образовавшихся за воротами в результате долгого зимнего удаления снега с обширного двора. Хотя при этом Вася старался выбрасывать осадки регулярно, не всегда это получалось – как-никак человек одолевал восьмой класс, встречался по вечерам с друзьями, а надо было еще уделять время для занимательного хобби – работы с берестой. Где же тут успевать бороться со снегом, особенно если выдавались метельные дни?

Василий Канухин завидовал соседям Белкиным, которые отродясь не расчищали зимами территорию до самой земли, а ограничивались тем, что подметали тропинку к дому, да еще дорожки во дворе. Этой пожилой паре, конечно, лопатить кубометры снега было затруднительно. Но не только в возрасте заключалось такое небрежение к порядку.

– Да не хватало еще с этим горбатиться! – говорил хозяин подворья Степан Степанович, который был приезжим, но приезжим давно. – Я, когда жил в Казахстане, понятия не имел скоблить до земли. Хотя снегу наваливало по пояс. Где же с ним возиться? У всех дела, работа. И никто там не чистил, только дорожки, да еще с крыш в середине зимы его сбрасывали, – иначе проломит. Но, правда, времена были другие – сейчас, может быть, подъезд к дому расчищают, чтобы авто выгнать-загнать. На большее и возможностей нет: куда девать снег, если чистить сотками? К соседям валить,

что ли? И никто там такой чепухой не маялся. Нет и нет!

Степан Степанович впадал в задумчивость, и умолкал. Может быть, ему вспоминались дальние горы, сверкающие на солнце ослепительными заснеженными вершинами, и мартовский подтаявший снег, когда мириады заледеневших крупинок наста сверкали разноцветными искрами, как бриллианты. Хотя последних он никогда не видел. Но, может статься, на память старому приходили подснежники-кандыки, роскошные, несравненные цветы, первыми пробивающиеся к солнцу, когда вокруг еще не стоял снег.

Василий понятия не имел, что грезилось старику-соседу, ему было не до того, потому что в селениях Восточного Казахстана снег, может быть, и не убирают, а в Жердеве, да и во всей округе – еще как! В городах, конечно, этим занимаются оплачиваемые люди, а в деревне – нет. В деревне занимаются неоплачиваемые, другими словами – хозяева усадеб. Конечно, снег – это не мусор, что очень кстати, хотя совершенно неубранный тоже портит вид. За уборку же мусора в деревне не платят, напротив, могут оштрафовать, если убрано недостаточно чисто. Сосед Степан Степанович со своею супругой от греха подальше мусор свой исправно убирали, благо, производили они его не особенно много. Конечно – кто же станет за тобой убирать? Это по старой тимуровской памяти школьники могут наколоть дров, но заниматься чисткой чужих подворий – уж извините. Родители первые встанут на дыбы: как так? Куда ни шло – общественно-полезный труд,

на благо всего общества. В прежние времена был он весьма почитаем, особенно у его организаторов. Иногда они даже сами выходили в первых рядах на ударную вахту, и таки убирали порванный мяч или пустую консервную банку, показывая пример. Хотя вряд ли убрали бы с общественной площадки случившуюся здесь дохлую кошку.

– Василий! – говорил, обращаясь к внуку, патриарх Канухинского рода дедушка Игнат, – ты живешь чисто потребителем. Вот есть производители, которые чего-то полезное производят, а есть потребители, которые только потребляют и ничего не производят, кроме свинст...

– Ну что ты, дед, говоришь! – укоряла его дочь Наталья, – он же еще ребенок! Вот вырастет – будет производить. Но и употребляет будет, а как же: без употребления человек не живет. Вот есть даже общества потребителей, и еще больше, союз обществ потребителей – знаешь же, потребсоюз. Но, правда, он сгинул, хотя есть же, что потреблять.

– Так вот я и говорю, – не сдавался дед, – развелось потребителей! И Васька туда же.

– Но ведь он же еще мал.

– Ничего себе, дитятя: десять лет! Мы в такие годы картошку в колхозе копали, забыла? Ковырялись чуть не целый день! Хотя лучше бы послали на рыбалку...

– Золотое было времечко! – мечтательно вздыхала дочка. – Накопаем картошки, напечем, колхоз молока привезет – объединение!

– Ну, хлеб-то, сахар, даже соль с собой приносили, – ворчливо замечал дед, – лучше бы на рыбалку пригодилось!

Потому что он неизлечимо страдал этим недугом. Коварное пристрастие не раз подводило его, особенно в школьные годы, потому что лета не хватало. Приходилось иной раз жертвовать уроками. Ну и что? Венька Ковалев, кажется, за десять лет не прогулял ни одного урока, был круглый отличник, а сейчас тоже пенсионер и ни тебе яхты, ни даже задрипанного вертолета, хотя есть еще советский «Запоржец». Да. И вспомнить-то нечего. Тьфу!

Сам дедушка Игнат до последнего не расставался с удочками, выходя спозаранку на реку, и доселе ходил бы на промысел, да уж ноги не те. Не носят, как бывало. Странно, однако же – хобби деда не передалось внуку: к рыбалке Василий был равнодушен, хотя селедку с картошкой любил. Но и только. Зато ни с того, ни с сего, увлекся детской забавой. Проще говоря, даром тратил время, вырезая фигурки из бересты.

Вот он и явился причиной разговора Виолетты с Куницыным после производственного совещания в ООО «Луч». Дело же заключалось в том, что Сергей задался целью основать в селе музей, где должны быть выставлены работы жердевских умельцев. Виолетта по-родственному решила открыть какие-никакие перспективы для брата, дабы он развивал свои художественные способности. Благодаря ей один уголок сельского Дома культуры украсился работой Василия

под названием «Мада летом». Она представляла собой панно из бересты размером метр на полметра и изображала местную реку Маду, текущую среди пологих берегов, в отдалении покрытых гривами леса. На создание этого произведения начинающий мастер декоративно-прикладного творчества потратил полтора месяца. Главная трудность заключалась, конечно, в подборе и обработке бересты, и он погрузился в справочники, печатные и электронные. Первые были представлены в Жердевской библиотеке непозволительно скудно, в интернете же кое-что полезное имелось. Чтобы создать летний пейзаж, требовалось много зеленого цвета, но береста, как известно, в природе лишена такого окраса. Тем занимательней представлялось решение этой задачи. Оказалось, что не обязательно, например, иметь под рукой желтую и белую краски, чтобы собрать на листе основы букет из ромашек. Вполне достаточно было иметь подходящую бересту. Это как из дикого камня построить ровную стену, с той разницей, что стене безразлично соотношение света и цвета камней, тогда как фрагменты картины должны быть не только подогнаны друг к другу, но и являть в сборе вполне читаемую картинку.

– Я слышала, что ты решил открыть у нас музей, – обратилась Валерия к Сергею, – но думала, что это твой секрет. А сегодня вижу, что нет. Так если ты хочешь подбирать, что можно выставить на обозрение, может, посмотришь и поделки Васи Канухина? Он заболел берестой. Неизвестно, что из

этого может выйти, но не топить же ими печку? Жалко.

– Конечно, стоит выставить. Да я видел в ДК его берестяное панно. Там, кстати, по соседству и одна моя картина присутствует. А насчет того, что из всего этого выйдет, так это небесам только известно. Но не сидеть же, сложа руки! Тем более, молодым. Говорено же было: «Бороться и искать...» и «Не знаешь, где найдешь, где потеряешь». Но у меня только начало, хотя собирать сотворенные вещи уже нужно. А откроется этот очаг культуры, думаю, в мае, когда вся организационная канитель утрясется, и когда не надо будет топить там печь. Так что все бересты будут в сохранности, будь благонадежна.

– И ладно – все это не к спеху. Главное, Василий будет знать, что его труды увидят. И оценят.

Виолетта засмеялась и взмахнула рукой:

– Обрадую его, только осторожно. С оговорками, чтобы слишком не обольщался.

– Ты прямо как Соломон, – ответно засмеялся Куницын. – Только так и надо. Потому что и я особо ни в чем не уверен, кроме того, что музей будет. Приятели отговаривали меня – да, было дело – но не отговорили. Упертый оказался товарищ!

И тут собеседники сдержанно засмеялись оба.

А и действительно, отговаривали Сергея, и еще как! Клоков меж мужиками раскритиковал затею в пух и прах:

– Какой музей? Тут люди на машину копят годами, недо-

едают, недопивают, почти без закуски... Только накопили – цена подросла, копят дальше, накопили – опять цена... И чего Серега дурака валяет? Делает подрамники какие-то, натягивает тряпку, грунтует-полирует... Красит потом свою картину. Смех! Люди на машину...

– Да что Клоков! Ближайший друг Куницына, Илья Рябов, услышав о его намерениях, схватился за голову:

– Да ты в уме повредился, ли что ли? Кто же станет ходить в музей, да еще в деревне? Тут с хозяйством-то управиться другой раз нет ни времени, ни желания. И вдруг – музей! Это еще реально в столицах, да и то после разнузданной рекламы какого-то художника. Но тогда ужас: билеты за месяц до, по блату, по тройной цене, очередь немыслимая, ажиотаж, родственников из-за границы вызывают! А ведь изделие этого человека томилось здесь годами, а может, десятилетиями, и все равнодушно шествовали мимо. И через неделю будет то же самое. А?

– Ну, это с одной стороны, – уточнил Куницын, – а с другой где-то в отдаленной от нас местности энтузиаст в малом городке устроил выставочную галерею, и народ в ней не переводился, а скоро там появилось еще несколько таких площадок и тоже не пустовали.

– Это что же – там проживали одни сплошные художники? Или бездельники? Так это где-нибудь на Таити, там специальное помещение не нужно: под любой пальмой можно устроить галерею: печку топить не требуется, стало быть, не

потребны ни дрова, ни истопник, ни половая рейка. Тоже и гардеробщик. Может быть, ночной сторож. Или охранная сигнализация. У нас нужны. Потому что могут умыкнуть даже подержанный веник, нечаянно оставленный на крыльце. Выйдет не дешевле, с учетом слабых требований сторожей по зарплате. Плюс еще уборщица. Или сам все чистить будешь? У нас только на всем этом можно прогореть в первый же месяц. Так где, говоришь, это место, где эти счастливики обретаются? Такое, наверное, одно, или есть еще?

– Неизвестно мне, не вдавался. Но что по иным землям озираться? У нас вон в Палехе каждый второй – художник, и такие там мощные мастера!

– Палех, кажется, переживает не лучшие времена, да и Федоскино тоже, не говоря уже о хрустально-фарфоровых делах.

– Однако, я смотрю, ты в курсе живота художественных промыслов!

– Так видишь: производственные темы мало меня увлекают – производства хватает мне в домашнем хозяйстве, особенно летом. Приходится поэтому развлекаться посторонними вещами. Непрофильными. Хотя ничем таким серьезно я заниматься не собираюсь. Пока. Ты – другое дело: все-таки учился в академии, хоть и заочно.

– Учеба у меня получилась недолгой, по независящим от меня.

– Да я знаю. Жаль. А то, чувствую, ты бы развернулся!

Был бы академик.

Они засмеялись. Затем посерьезневший Куницын задумчиво потер лоб и проронил:

– Но, с другой стороны, Боттичелли ведь, кажется, не кончал институт Сурикова?

– Скорей всего. Но, наверное, у него все-таки были учителя. Может, и у – Сандро, кажется? – не все гладко началось, как знать. А ты, если влез в это, держись, продвигай идею! Я вот тоже взялся за гуж, причем же вообще непривычный. А что делать? Надо же как-то существовать, раз поручили!

Илья и в самом деле затеял небывалое, почти промышленное дело. Долго о нем не распространялся, но, в конце концов, переполненный надеждами и сомнениями, не смог превозмочь желание обременить ими и еще кого-то. И, прежде, чем рассказать о своем плане молодой жене, осторожно поделился им с Сергеем. Речь шла об изготовлении плитки для мощения двора и садовых, а также иных не слишком протяженных дорожек. Производство их он намеревался развернуть на своем приусадебном участке, пожертвовав тремя сотками земли, отводимой ранее под однолетние травы, проще говоря – под овес на корм. Три сотки особой роли не играли, потому что огород занимал площадь в полгектара с лишком. А для выделки композитной садово-огородной плитки триста квадратных метров – замечательный полигон.

– Так ведь такой плитки сейчас на строительных рынках

горы? – засомневался Сергей.

– Там в основном для городских площадей. А тут я стану делать чисто деревенский уклад. И дешевый. Сравнительно, конечно. Был недавно в райцентре у знакомого – у него весь двор выложен собственной плиткой. Так, говорит, все соседи одолели просьбой: наделай им такую же! Но он не связывается с этим рукоделием: едет на вахту, там и деньги другие и работа не такая муторная. Так что я пока без конкурентов.

– Ну, пусть все срастется.

– А Борис, другими словами, Мошкин, наш приятель, возвращается обратно в Жердево, – слышал? – спросил Илья. – И будто собирается тоже тут дело какое-то открыть – моя Настя так сказала. У нее такой бзик: сама постоянно что-то хочет открыть, но вовремя тормозит. Петровну, которая Виолетта, соблазняла устроить кафе, дескать, к такой кулинарше народ толпой ломиться будет. Но Виолетта имеет другие планы – после учебы, наверное, оседет в городе. А Боря, наоборот, из города – сюда.

– Ну? Все на круги своя. Да и правильно, наверно. Там, в городе, и своих бездельников девать некуда, а тут еще мы понаехали...

– Ну, Боря-то не бездельник, – слегка обиделся за товарища Илья. – Он кем только не поработал!

– Да это я к слову. В смысле – конкуренция непереносимая. И если папаша не в рангах, пробиться трудно.

– Ну, так это везде и всегда.

Василий Канухин пока не строил срочных планов по организации своего прекрасного далека, хотя предварительные наметки имелись. Но уж очень скоро все меняется, что было вчера хорошо – сегодня уже не очень, а завтра вообще непонятно что это за чепуха.

Вася погрел ладонями уши, вновь надел рукавицы и продолжил уборку слежавшегося, задубевшего снега, откалывая увесистые глыбы. Хотя заканчивается март, день выдался по-зимнему морозный. Там и сям из печных труб валил дым, хотя многие дома обогревались электричеством. Но не всегда хватало электротяги. Жители Жердева поэтому самозабвенно сжигали дрова. Хотя минус 20 – не диво, но это зимой, сейчас же, после оттепелей, такой мороз пробирает насквозь, и обогреваться приходится очень интенсивно. Лишь только Василий отбросил последние комки, как с неба обильно посыпались хлопья.

День не задался.

В кармане задребезжал телефон, заставив Василия вздрогнуть. Звонила Виолетта.

– Я переговорила с Сергеем насчет твоих берест, он говорит, что выставить их полезно. Но, конечно, лучшие. Ты как, готов уже показать?

– Да готов, конечно! – взволнованный, поспешно ответил племянник. – Только у меня сейчас их немного. А лучших – вообще...

– Ну, что есть, и ладно. А до открытия еще сделать сможешь. Так что, заглядываем к тебе сейчас, пока у Сергея есть свободная минута?

– Да, конечно, конечно! – горячо воскликнул Василий и, спешно закинув лопату в сарай, ворвался на кухню.

– Караул, Виолетта с Куницыным нагрянут, бересты смотреть! – вскричал он, – есть у нас чай?

– Как ты напугал меня! – отозвалась нервно мать. – Ну, конечно, есть чай, и к чаю. Но зачем же так влетать в дом? Как будто волки... Кот аж со стула свалился!

– Да ему полезно, лежебоке!

– Когда придут-то?

– Да вот сейчас. Уже в дороге, наверное.

Мать поспешно стала готовить для гостей угощение, а юный художник-берестяник извлекал из кладовки немногочисленные произведения декоративно-прикладного характера и придирчиво рассматривал их. В конце концов, он оставил это занятие и решил продемонстрировать гостям все, что имелось в наличии – все семь работ разного формата, начиная с «открытки» и кончая полотном размером в половину кухонного стола.

Тут подоспели и Куницын с Виолеттой. Немедленно они были усажены за стол, поскольку это Василий считал, что прежде береста, а все остальное – в последнюю очередь, мать же держалась иного мнения. Поэтому первым делом был выпит предложенный ею чай – с оладьями и клубничным варе-

ньем, и лишь затем, после обмена с хозяйкой новостями, гости перешли к просмотру берестяных произведений. Будущий директор музея и одновременно заведующий фондом творений отобрал для начала четыре работы Василия Канухина, сказав, что остальным тоже найдется место, как только очаг культуры переместится из приспособленного помещения в более подходящее.

– Лиха беда – начало, – молвил Куницын, – теперь нам надо доставить экспонаты в хранилище и оформить их приемку, честь по чести.

– Вы уже, наверное, обойдетесь без меня? – спросила Виолетта, – мне надо кое-что сделать.

– Да, спасибо тебе, дальше мы сами.

И энтузиасты изобразительного искусства, взяв по две берестяные картины, укрепленные на оргалите, отправились в музейное фондохранилище, которое представляло собой летнюю кухню Куницыных, до поры освобожденную под экспонаты. На полпути им встретились две женщины средних лет – библиотечарша Наталья Иванова и ее соседка, учительница начальных классов Ольга Конева, которые оживленно о чем-то беседовали. Увидев Сергея и Василия с необычными, чуждыми Жердеву ношами, они остановились.

– О, что это у вас такое? Можно посмотреть? – воскликнула востроглазая Наталья.

– А что ж, конечно, можно, – отозвался за двоих Куницын. – Работы вот Василия, – и он для убедительности кос-

нул плеча спутника. Тот с готовностью повернул обе свои картины к женщинам. То же сделал и Сергей Куницын.

– Оригинально, – оценила Ольга.

– Да, и все натуральное, – согласилась подруга и, прищурившись, спросила Василия:

– А не подаришь ли одну такую? Для интерьера?

Вася смешался. Он совершенно безвозмездно передал солидную картину в ДК, еще одну – в общество вышивальщиц. А на каждую уходило не меньше недели работы, и он мечтал получить хоть какую-то компенсацию.

Канухин беспомощно взглянул под ноги и покраснел.

– К сожалению, пока это никак невозможно, – пришел ему на выручку директор музея, – потому что до открытия экспозиции все работы должны быть на месте, на старте, так сказать. Сейчас мы с Василием составим документ о приеме картин, все честь по чести, как полагается. А когда открытие состоится – пожалуйста, договаривайтесь, приобретайте. Кстати, оплата может быть наличными, перечислением, или же, как в старину – путем бартерного обмена.

И он, повернувшись к Василию, украдкой подмигнул ему.

Библиотекарша озадаченно почесала бровь: ничего себе, еще и платить, что ли? Но ничего не сказала, как и Ольга, которая, потупившись, ковыряла носком сапога подножную супесь и прикрывала ладонью рот.

– Вот такие дела, Василий, – сказал Куницын когда они отошли, – художника обидеть может каждый. Но держись!

Оформление новых экспонатов не заняло много времени: Сергей просто-напросто выдал автору расписку в том, что музеем принято четыре работы в бересте с названием и размерами каждой. Потрясенный Василий бережно уложил документ в карман, и даже без особого внимания оглядел изделия, уже поступившие для экспонирования – ему почудился отдаленный звук медных труб.

– Особо рассчитывать на всенародную любовь не стоит, – несколько охладил его распаленное воображение старший, уловив восторг молодого Канухина. – Но продолжать свое дело надо. Только так!

– Ну, как вступление в ряды? – поинтересовался дед Игнат, когда Василий вернулся, – я имею в виду художников ряды?

– Все путем, – дедовым же слогом отвечал берестяник и поспешил во двор, чтобы поскорей разделаться с уроком уборки снега и взяться за бересту. О школьных уроках он как-то даже не помышлял: до них ли тут!

Дед, не удовлетворенный слишком лаконичным сообщением об успехах внука, вышел вслед.

– Так ты теперь будешь ходить и обдирать березы? – уточнил он, обратившись к Васе. – Для них это вообще-то вредно.

– Ну не все же. Их вон сколько! Лесорубы замучились рубить и грузить.

Василий непреклонно продолжал бросать в сторону снег.

– А школу-то, поди, не бросишь?

– Хорошо бы бросить, так тут такой крик поднимется! – младший Канухин в сердцах бросил очередную порцию снега так далеко, что едва не попал им на соседский участок.

Завидев в окно оживление на участке соседей, во двор вышел Степан Степанович.

– Трудитесь? – поздоровавшись, осведомился он.

– Помаленьку, – отвечал старший из Канухиных.

– У нас тоже субботник – к восьмому марта. Но в основном домашняя уборка, вроде не мусорим, не пылим, а стоит взяться за веник – и дня не хватит. Напасть какая-то!

– Судьба такая, как раньше говорили – планида.

– А ведь есть же люди, которые такими делами не занимаются. Я имею в виду – люди нашего возраста. Свое отбарабанили и отдыхают от всей души. Особенно в жарких странах, там и молодым-то работать тяжело. То сиеста, то фиеста. Пожилые да утомленные вообще душевно отдыхают. Кажется, даже и суп себе не варят. Все по барам, да по пабам обретаются.

– Это верно, – согласился дед Игнат, который был на десять лет старше Степана. – Совсем испортился престарелый человек, говоришь: по барам да по бабам? Это все западная буржуазия, тлетворная. А и наши за ними тянутся, своей головы-то будто нет! Ну ладно, старые-то – у них она, может, уже не в порядке. А молодые? Смотрю телекартинки: вот слон африканский поливает себя из ручья хоботом, там

вообще море, у берега плещутся молоденькие особы с почти голым задом и титры – мол, девушки отдыхают там-то. Вопрос: интересно, а от чего они отдыхают?

В сердцах он наподдал утепленным сапогом по глыбе снега, оставшейся после Василия, но потерял равновесие и едва не упал.

– А мы вот снег чистим, да паутину по углам, как вроде домработницы какие, – в унисон добавил сосед.

– Одно утешение – что на субботниках любых у нас никогда и никому не платили.

– Но там хоть музыка была, марши, всякие. «Утро красит нежным цветом...».

– Ну да, ну да. Под музыку-то и металлолом легким кажется, и мусор – не таким грязным. И не жалко его – не свой ведь мусор! Хоть и не очень грязный.

– Хорошо, у вас помощник подрастает, а вот, например, одинокие бабушки – они тоже до земли скоблят?

– В зависимости от самочувствия и физподготовки. Но в основном обходятся минимальной чисткой.

– Вот именно это правильный подход – удовлетворенно резюмировал сосед.

За разговором не заметили, как Василий, окончив свою трудовую вахту, поспешил оставить в покое лопату и устремился в дом. Там ждало его более увлекательное и полезное занятие.

Глава 3

Неизвестно в точности, чем занимались труженики ООО «Луч», вернувшись с производственного совещания, а глава организации Пузырев

отправился в районное управления сельского хозяйства насчет субсидии для покупки семян, потому что собственные семена «Луча» – подозревал Никита Иванович – нынче были частью морозобойными. И, стало быть, хороших всходов не могли дать. Для решения таких вопросов есть и современные средства связи, но куда вернее их решать путем очной беседы. Возвратился домой Пузырев уже затемно: день хоть и порядочно удлинился, но еще не поборол ранние сумерки.

Клавдия, извещенная об отлучке супруга, приготовила ужин и, выпив чаю с зефиром, углубилась в смартфон. Оторвал ее от переговоров только приезд Никиты Ивановича.

– Как съездил? – дежурно поинтересовалась она.

– Обещают, – последовал лаконичный ответ, – лишь бы не три года ждать.

– Козлы, – сдержанно констатировала она, – давно бы уже расстарались!

Пузырев сел к столу, где его ждала яичница, поджаренная на сале, и салат из огурцов с помидорами, позаимствованными из закупок для столовой ООО. Для пущего аппетита присутствовала теща. Он достал из холодильника бутылку водки, спросил:

– Ты не желаешь против простуды? – и, получив отрицательный ответ, налил себе объемистую стопочку и тут же выпил. Клавдия же Андреевна, поев салату и запив его чаем с молоком, на этом и завершила трапезу. Поскольку верна оставалась своей установке кушать в меру. Это не всегда получалось, но сегодня выдался разгрузочный день – без лишней траты нервов, без неотложных дел, и можно было обойтись легкими блюдами. В иные же дни, когда что-то не ладилось, раздражало и бесило, Клавдия Андреевна могла есть без всякой меры, не в силах остановиться. Хотя понимала – умница – что наносит себе этим только вред. Никита же Иванович лишен был забот о собственном здоровье, а уж тем более – о фигуре и кушал в свое удовольствие. Надо сказать, что в определенной мере этому способствовало и сопровождение ужинов неперменной чаркой, которая суммарно равнялась как раз полулитровой бутылке. Хотя раньше употреблял после окончания трудового дня гораздо меньше. Ну, тогда и хлопот было не столько, и не столько нервности. Но нервность и не обязательна. Никита Иванович вспоминал студенческие годы, когда молодые, вырвавшись из-под нудного домашнего контроля, приобщались, наряду с науками, и к чарочке. Бывало, к старшим курсам некоторые едва могли дожидаться пятницы, когда заканчивалась неделя лекций и семинаров, и можно было как следует расслабиться. Те, кто из состоятельных семей, спешили в рестораны, имеющие скромное финансирование от родителей, выбирали место в

парке, если стояло лето, зимой же отводили душу в общежитии или на квартире. Пузырев особо пятниц не ждал, выпивал, как и положено, только в праздники. Но жизнь не стоит на месте...

Клава, когда выходила замуж, оставила себе свою исконную фамилию Макова. А то ведь – такая роскошная дама, и на тебе!.. И так она и значилась во всех документах и в речах на совещаниях и заседаниях – Макова. Но в Жердеве почему-то величали ее Пузыревой – наверное, потому, что была она супругой Никиты Ивановича, и оставалась в его тени, поскольку он тут примелькался. Впрочем, подруги Клавы, называя ее Пузыревой, может быть, так потешались меж собой – кто знает!

Будучи по образованию экономистом, она с легкостью вела бухгалтерскую отчетность «Луча», а также и кафе «Тайга» – тем более, что суммы и в том и в другом обращались весьма умеренные. Во всяком случае, на собственные расходы по поддержанию шарма ей хватало. Хватало своего заработка и ее супругу, тем более, что он почти не употреблял коньяков, арманьяков и прочих рейнвейнов, предпочитая старую, любезную душе российского человека водку. При всем том с некоторых пор замечательная чета Пузыревых держалась дружно – на зависть – из последних сил. Все потому, что Никита, много и красиво говоривший на заре своей трудовой деятельности, не справился с реализацией своих, а заодно – и Клавиных мечтаний. Он обещал в прекрасном при-

родном местечке, в окружении гористо-степного ландшафта, но и недалеко от города, возвести роскошный особнячок, разбить сад, и устроить пруд. Причем с живыми карасями.

– Заживем! – говаривал Пузырев, и потирал руки. И Клава также загорелась этой замечательной идеей, представляя себе, как она будет в этом особняке сиять, словно бриллиант в драгоценной оправе. И зачастят почетные гости. В бриллианте она нисколько не сомневалась, до поры сомнения не коснулись и оправы, но потом все изменилось. Особняк построили, но о роскоши при этом пришлось забыть, за скудостью средств; предприятие-гигант, которым должен был руководить Никита, оказался давно и крепко схвачен другими, ушлыми ребятами с деньгами и связями, хоть и не блестящими умом. Не повезло и с соседями, хотя рядом основывались несколько коттеджей. Неведомо почему, они были заброшены, и замечательное общество, которому следовало окружать Макову и несколько завидовать ей, не состоялось. Лишь один небольшой коттедж оказался заселен – там жила престарелая дама, которая уж никак не могла претендовать на роль светской львицы и ценительницы модных современных нарядов. Клавдию посетила мысль: а не для удаления ли от себя престарелых родственников строили эти, незавидные, надо сказать, хоромы? Угроздило же ее оказаться среди них! Кто знал...

И Макова решила поставить крест на Жердеве и, скорее всего – на Пузыреве тоже. Потому что его запал и деловой

ресурс, казалось, исчерпаны, и вряд ли ежевечерние возлияния как-то изменяют ситуацию к лучшему. Жаль. А годы летят! Знала бы она, что пророчил негодный Клоков, когда Пузырев взвалил на себя заботу об остатках производства бывшего колхоза! А говорил он, что затея эта стопроцентно проигрышная, и если уж колхоз-миллионер не устоял на ногах, где тут корячиться какому-то ООО! Пузырев, может, и упорный мужик, но чересчур самонадеян. Примерно то же стала думать теперь и супруга последнего.

Никита Иванович знал, конечно, что Клава – она себе на уме, и когда суженая принялась наводить справки, где в благополучных организациях города потребен опытный счетный работник, запросто сложил в уме два и два. Потому что его она в свои планы не посвящала. Тут он начал прикладываться к бутылке иной раз и в обеденную пору. И неизвестно, к чему бы это привело, но его звезда еще не закатилась, нет!

Случилось то, чего практически не бывает: в районной администрации открылась вдруг вакансия специалиста-агронома. Потому что старый вдруг ушел на пенсию, несколько даже подставив свое руководство. Ведь у последнего имелось немало родственников, которых следовало пристроить на солидную должность, а тут приходилось срочно искать замену практически среди людей с улицы. Конечно, не все родственники начальственной когорты имели агротехническое образование, так это лишь на первый взгляд непозволительно: известно ведь, что был бы дождь да гром... В подобных

случаях получающий должность немедленно поступает заочно в профильный институт и оп-ля! – он уже практически готовый специалист. Учится же, пусть и заочно. И со временем вполне может стать доктором требуемых наук.

Старый же агроном, освобождающий место, хотел работать и дальше, апеллируя к своим заслугам. Поэтому решили повременить с его заменой, а тут вдруг он выкинул фортель, написав заявление. Да и леший бы с ним, но пришлось немедленно искать нового спеца, поскольку близились весенне-полевые работы. И начальство втайне опасалось, что только дождя и грома для успеха дела будет недостаточно. Претензии ими не принимаются, на них где сядешь, там и слезешь.

Тут вспомнили о Пузыреве, который уже изрядное время подвизался на ниве, направляя деятельность общества «Луч» в селе Жердево. Звезд с неба не хватал, но имел в среднем удовлетворительные показатели. А что еще нужно? Тем более, всегда можно его подвинуть, хотя и необязательно наверх.

– А что? – высказался на узком заседании один из районных руководителей, – «Луч» хоть и не агрогигант, но часть народа там занята. Текучести особой не заметно. Да и куда тикать?

– Руководящий стаж у него небольшой, – засомневался другой, – а?

– Дело наживное. Да и как небольшой? Ведь уж больше

десяти лет. И потом – не пьет. Ведь не пьет же? Ничего такого не слышно.

– И не курит, – добавил кто-то. Да и налево...

– Ну, это уже нас не касается, – отрезал начальник. – У нас не Смольный институт! Главное – работа!

Так Никита Иванович неожиданно-негаданно получил назначение, перемещаясь из производственной среды в управленческую. Однако же с условием: в должности он будет утвержден после того, как «Луч» домолотит оставшиеся с осени 80 гектаров овса, и закроет все имеющиеся долги. Хотя, конечно, выдвигая его на этот пост, проверили все, что касалось финансовой дисциплины. Просто для порядка.

Нечего и говорить, что Пузырев, воспрянув духом от дуновения свежего бриза, с азартом приступил к выполнению навьюченных на него обязательств. Потому-то в неурочный час и организовал производственное совещание в «Луче» с последующим авралом по выходу в поле.

У Клавдии Андреевны едва не случилось раздвоение личности. И немудрено: только наметилась для нее вакансия бухгалтера в одной из районных организаций, и стал прорисовываться образ будущего благоденствия Маковой на фоне тусклой периферийной жизни, как Пузырев пошел на повышение. Условное, конечно, но все же. Теперь ей приходилось пересматривать ближайшие планы. Впрочем, пока ничего страшного не произошло, понеже своими намерениями Клавдия со своим мужем не делилась. Если он что-то и

подозревает, то совершенно напрасно и, как всегда, неправ. Так что лучше ему засучить рукава и показать себя в новой должности наилучшим образом. И тогда, можно рассчитывать на осуществление прежних надежд. Хотя все подряд не может быть хорошо: радужные перспективы несколько омрачал особняк, повисший теперь ненужным отягощением. Поскольку продать его выглядело задачей почти неразрешимой – ведь по соседству уже долгое время пустуют подобные здания. Заселить туда престарелого родственника не представляется возможным за отсутствием такового под рукой. Почему оставались необитаемыми построенные коттеджи, было непонятно: возможно, их потенциальные жильцы предпочли интернат, или же им значительно добавили пенсию. Поэтому популярная схема отправить бабушку с глаз долой и заместить ее породистой собакой не срабатывала.

Между тем место, на которое ее продвигала институтская подруга при помощи теперешней подруги, уже освобождалось, и нельзя было терять времени. Тут Клава, наконец, поставила в известность законного супруга, объяснив, что до поры не хотела посвящать его в свое городское трудоустройство, чтобы не сглазить. А вот теперь уже вопрос решен окончательно и бесповоротно, и послезавтра, в понедельник, она должна прибыть на службу. Никита Иванович был с головой погружен в заботы по случаю собственного назначения и передаче дел «Луча». Но все же поздравил ее и предложил даже по такому случаю отметить эти события, хотя бы

дома, за недостатком времени на кафе.

На этот раз супруга присоединилась к нему – что же еще отмечать, как не такое счастливое стечение обстоятельств? И хотя употребила горячительного она совсем немного, посидели за ужином они хорошо, потому что и Пузырев воздерживался – ибо завтра предстоял обмолот злополучного овса.

Комбайны были готовы, и чтобы разделаться с лошадиным злом побыстрее, Никита Иванович распорядился выставить на уборку еще и четвертый комбайн, который соединенными силами выгнали на линейку готовности в рекордный срок. Теперь уж Пузырева не снедала тревога за будущую судьбу уборочной техники в ООО «Луч». Отныне пусть голова болит у звеньевых – у Шевелева, которого, скорей всего, и сосватают на место Никиты Ивановича. Вот и пусть вкусит прелестей директорства в одном, отдельно взятом селе.

Глава 4

Борис Мошкин, уроженец Жердева, малое время подвизался в помощниках у пасечника в пригородном хозяйстве, куда определился после пчеловодческих курсов. Курсы он, правда, не закончил, так как средства, накопленные до того на разных работах, которые Борис выполнял, подошли к концу и, чтобы не оказаться босым, голым и голодным, пришлось устраиваться на работу. Родители-пенсионеры, прав-

да, предлагали свою помощь, но он решил, что хватит уже тянуть из них жилы лет пять назад и даже иногда отправлял им деньги, если дела шли хорошо. Однако же стабильности не было, и такая поддержка случалась лишь эпизодической: ведь Борис обзавелся три года назад женой, и следовало как-то обустроить семейное гнездо. Для наследников, хотя дело до них еще не дошло. Его половина, имевшая за плечами 21 год, из них три года стажа воспитательницы в детском саду, зарабатывала довольно умеренно и уж, разумеется, никак не могла содержать семью. Поэтому Борис, будучи четырьмя годами старше и не будучи альфонсом, прилагал немалые усилия, чтобы создать достойную базу для семейного строительства. Осознав бесперспективность своего дальнейшего пребывания в городе, он решил основать небольшое, но собственное дело в родном селе. Родители, когда Борис искал свою долю вне Жердева, наскучив зверскими зимними морозами и слишком коротким летом, перебрались в более теплые края, сдав дом в аренду. Деньги платил арендатор Борису и они, хоть и небольшие, являлись страховым фондом для семьи Мошкиных. Родители звали молодых к себе, обещая, что работа найдется, хоть и не слишком прибыльная, и соблазняли куда более приятным климатом. Но Борис прежде все же решил попытать счастья в Жердеве, зачем и записался на курсы пчеловодов.

Супруга довольно скептически встретила этот проект Бориса, но в силу своей молодости еще не презирала надежд,

а потому дала начинанию зеленый свет. И Мошкин весной, когда закладываются основы новых свершений и начинается железо горячих идей, прибыл в славное село Жердево, откуда в свое время вышел известный промышленник и миллионщик Потресов, да и мало ли кто еще!

Первым делом Борис наведалься к Куницыну, который, по слухам, уже приступил к реализации собственного проекта, тогда как Рябов только готовил почву для своего. Хотя у него планы были более перспективные, и Борис намеревался обязательно заиметь с ним деловые связи. Встреча с комбайнером и самозванным директором Жердевского художественного музея получилась жизнерадостной. Несмотря на всевозможные неувязки повседневной жизни, у старых друзей еще не выработалось отвращение к общению. В данном случае оно никак не сулило никаких неприятностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.